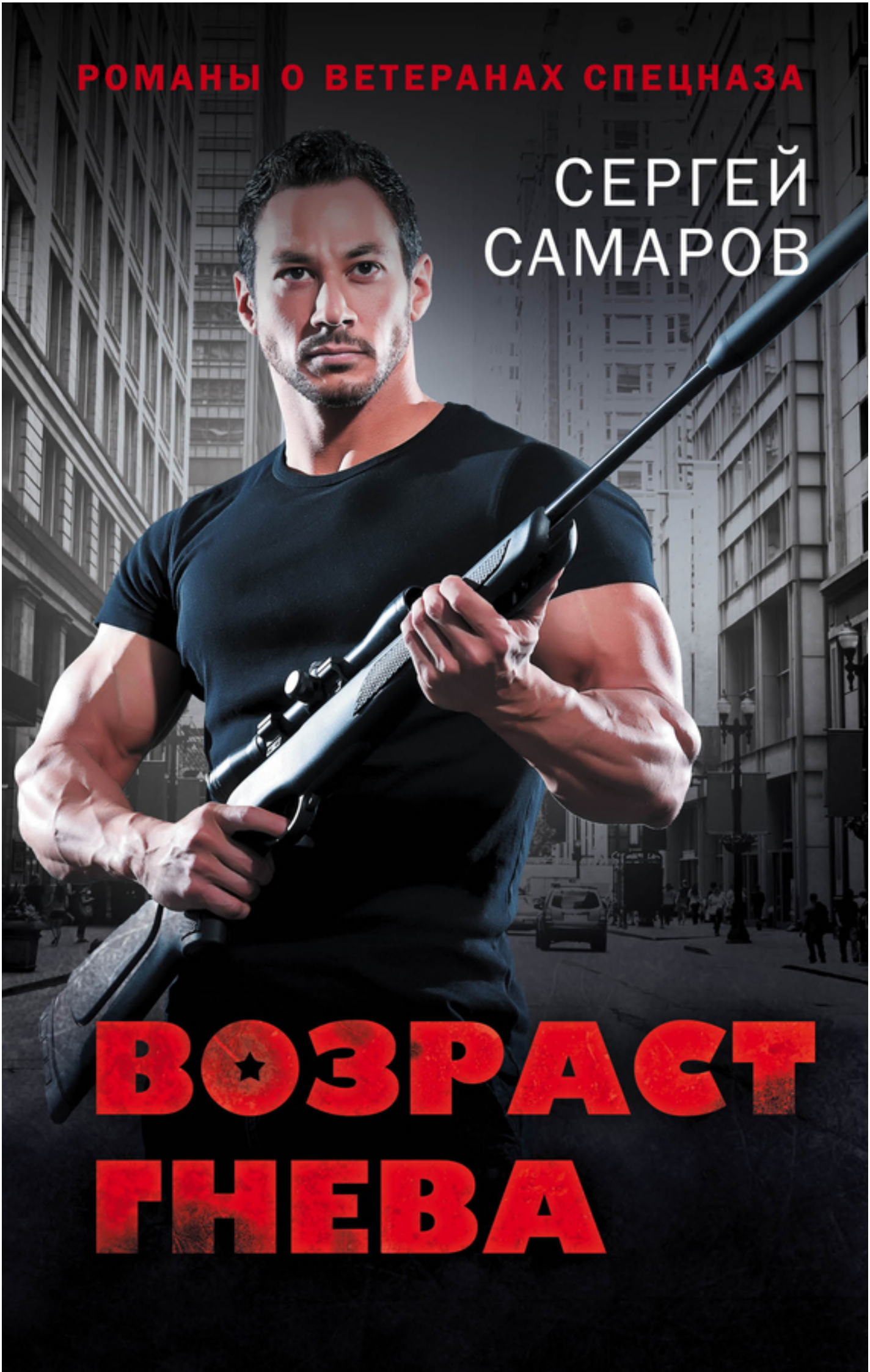
РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

СЕРГЕЙ САМАРОВ



ВОЗРАСТ ГНЕВА

Романы о ветеранах спецназа

Сергей Самаров

Возраст гнева

«Автор»
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Возраст гнева / С. В. Самаров — «Автор», 2016 — (Романы о ветеранах спецназа)

ISBN 978-5-699-88026-3

В своей квартире убит майор спецназа внутренних войск Сарафутдинов. Спустя некоторое время неизвестные покушаются на капитана ГРУ в отставке, частного детектива Тимофея Страхова. Руководство ФСБ считает: нападение на офицеров – персональная месть боевиков за действия спецназа на Северном Кавказе. Не исключено, что таким образом террористы пытаются запугать ветеранов и завербовать их в свои ряды. Но Страхов уверен, настоящего спецназовца на испуг не возьмешь. Расследуя убийство, ветеран ГРУ выходит на хорошо законспирированный центр вербовщиков «Исламского государства» и понимает, что ему вновь предстоит жестокая схватка, словно время повернулось вспять и он, как прежде, в строю…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88026-3

© Самаров С. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог 6
Глава первая 11
Глава вторая 18
Глава третья 27
Глава четвертая 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Сергей Самаров
Возраст гнева

© Самаров С., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Походка у него была, как у молодого и сильного человека, хотя он давно уже пребывал в зрелом возрасте. Обычно люди «после тридцати», которые прекратили систематические тренировки, так уже не ходят. Равиль Эмильевич сохранил свой широкий упругий шаг даже к сорока годам, когда вышел на пенсию. Выслуги лет ему хватало. Повышения по службе не предвиделось. Должность соответствовала званию, и переход на более высокую должность ему «не светил». А усталость за годы службы накопилась такая, что не каждый самосвал поместил бы ее в своем кузове. Потому, как говорил сам бывалый офицер, он и оставил службу. Да и с новым, недавно назначенным начальником штаба, человеком приезжим, имеющим свои привычки и пристрастия, отношения не сложились. А продвижение по службе зависело именно от него. «Не сложились, и ладно», – решил Равиль Эмильевич. Это только ускорило принятие решения о выходе на пенсию.

Высокий, широкоплечий, с сильным торсом, он даже в бесформенной камуфлированной одежде производил впечатление крепкого атлета. Да, по сути, он им и был. И не каким-нибудь цирковым, который, подбрасывая пустотелые гири, демонстрирует публике свои раздутые «химией» телеса, а настоящим, хорошо подготовленным бойцом, сильным не только телом, но и характером. Равиль Эмильевич привык прямо и жестко, не мигая, смотреть людям в глаза. Слабохарактерного человека такой взгляд всегда приводил в трепет.

На улице стремительно темнело. Зажглись фонари. Но на дорожке, идущей вдоль дома, освещения не было, свет сюда падал из окон выгнутой дугой девятиэтажки. Да еще над входами в подъезды горели обычные тусклые лампочки, вставленные в матовые плафоны. Но они освещали только входные ступени.

До дома оставалось совсем немного, когда Равиль Эмильевич увидел, как из его подъезда вышли четверо мужчин в такой же, как у него, камуфлированной форме. Спустились с крыльца и хотели было двинуться дальше, как вдруг заметили Равиля Эмильевича. Он махнул им рукой, они остановились в ожидании.

Обменялись рукопожатиями, перекинулись несколькими словами, после чего Равиль Эмильевич сделал приглашающий жест и первым вошел в подъезд. Четверо гостей последовали за ним.

* * *

Тревогу утром подняла пожилая соседка по этажу, вышедшая с переполненным ведром к мусоропроводу, расположенному на лестничный пролет ниже. До мусоропровода она не дошла – заметила, что дверь в квартиру соседа-офицера приоткрыта. Любопытство толкнуло пожилую женщину заглянуть в образовавшуюся щель. На полу в прихожей лежал ее сосед. Опираясь на слабеющие руки, он пытался доползти к выходу.

Поначалу ничего страшного женщина не заметила. Ее покойный муж тоже время от времени, чаще всего в аванс и получку, передвигался по квартире ползком. Это было еще на старой квартире, где они жили вместе. В новый дом она въехала уже одна. И уже успела отвыкнуть от подобного зрелища. Да и сосед-офицер казался человеком непьющим. А по своим наблюдениям женщина знала, что непьющие люди, приняв даже совсем немного, пьянеют очень быстро.

Соседка была женщиной сердобольной, ей захотелось помочь несчастному. Поставила ведро, приоткрыла дверь шире. И только тогда разглядела, что сосед пытается выползти из…

лужи крови. Прямо на ее глазах силы покидали раненого: он тяжело опустился на пол, руки беспомощно вытянулись, ослабленные пальцы растопырились.

Женщина очень боялась вида крови. Она вскрикнула и кинулась к своей квартире. Но тут же сообразила, что у нее нет ни домашнего, ни мобильного телефона и стала стучать в двери соседям по лестничной площадке. На шум высунулся заспанный молодой мужчина в трусах и майке. Женщина принялась сбивчиво объяснять, что нужно вызвать полицию и «Скорую помощь». В испуге она забыла, что заспанный сам был врачом. Наконец, с трудом поняв, о чем просит соседка, он, как был в трусах и майке, поспешил в квартиру офицера. Но пробыл там недолго. Очень скоро вернулся и, обращаясь к прибежавшей на крик жене, произнес:

– Вызывай полицию. Там, похоже, убийство.

– И «Скорую», и «Скорую»… – напомнила соседка.

– «Скорую» не надо, – резюмировал врач. – Он уже мертв.

Старушка ойкнула и в испуге закрыла лицо руками…

* * *

Дверь в квартиру у меня металлическая, и открывается она, как все нормальные двери, наружу. Это только на Крайнем Севере принято строить дома с дверями, открывающимися внутрь. Но это обусловлено тамошним климатом. За ночь может нанести столько снега, что наружу дверь просто не откроется.

На всей же остальной территории нашей страны двери обычно открываются наружу. Но – с недавнего времени. До этого, слышал я, как и на Севере, советские двери тоже открывались внутрь квартиры. Эту конструкцию применяли по личному приказу товарища Берии во времена господства пресловутого НКВД. Оперативные сотрудники постоянно жаловались на то, что отбивают себе ноги, выламывая двери, которые им не хотят открывать «враги народа». Возразить наркому в те времена никто не решился. Всем строительным организациям был дан категоричный приказ: строить дома с дверями, открывающимися внутрь квартиры.

И только после Перестройки люди стали ставить себе сначала двери, открывающиеся наружу, а потом и металлические двери, которые невозможно выбить ударом ноги. Я, кстати, себе такую не ставил – я получил квартиру с уже готовой металлической дверью и с комплектом тяжелых (карманы рвать!) ключей от дорогого замка.

Я услышал звонок и поспешил открыть, даже не прикладываясь к «глазку» и не спрашивая, кто пожаловал ко мне в такое позднее время – часовая и минутная стрелки сошлись друг с другом в районе одиннадцати (в моем случае – двадцати трех).

Я еще держался за дверную ручку, когда увидел руку с ножом, вонзившимся в щель между дверью и металлическим косяком. Я не думал. Думать в такой момент – верная гибель. Я действовал автоматически, на отработанных рефлексах. Сначала просто среагировал и, изогнувшись, убрал в сторону свои кишки; одновременно свободной рукой захватывая руку нападавшего, сжимающую нож.

Продолжая держать дверную ручку, я слегка прикрыл дверь, после чего резко дернул руку с ножом, так, чтобы «гость» ударился головой об острую кромку дверного косяка. Раздался короткий вопль, рука с ножом судорожно дернулась, пытаясь освободиться. Но у меня тренированные цепкие пальцы. Я повторил рывок и еще раз приложил неизвестного о косяк.

И только после этого я распахнул дверь и дополнил работу косяка своим кулаком. Потом еще раз – коленом. Низкорослый человек с бритой головой и коротко стриженной бородой так убедительно подставил свою челюсть, что моя протезная коленная чашечка из высоколегированной стали не могла отказать себе в удовольствии нанести удар. Мне оставалось только слегка подпрыгнуть. Одновременно я вывернул руку противника, нож упал на пол прихожей.

Нападавший мешком осел на бетонный пол лестничной площадки, перекрыв доступ к моей двери двум другим уродам.

Внешне эти уроды напоминали своего главаря – такие же бритые головы и короткие бороды. Только ростом выше и не такие массивные, как он. Да и возрастом значительно младше.

В руках одного из них был остро отточенный кусок арматуры, которым можно было и колоть, и бить, как металлической дубинкой. Место, за которое нападавший держал арматурину, было обмотано синей изолентой. Для удобства хватки и чтобы круглая железяка не скользила в руке – значит, понял я, специально готовился. Чем был вооружен другой, я пока не видел.

Эти двое не нападали, чего-то дожидались.

– Какие проблемы? – скороговоркой спросил я, уже успев восстановить дыхание после схватки с главарем.

– Ты, падла, мусульман на Кавказе убивал… – процедил сквозь зубы тип с арматуриной и, вместо того чтобы воспользоваться своим орудием, нервно ударил ногой в мою дверь. Дверь захлопнулась, отгородив меня от лысой троицы, и я получил возможность подготовиться к завершающей схватке. Много времени мне не требовалось. Я был в своей камуфлированной куртке, поясная кобура с пистолетом висела у меня за спиной. Одной рукой я достал оружие, другой открыл дверь.

Но уроды, похоже, не умели учитывать даже собственные ошибки. Нельзя дважды повторять один и тот же маневр, тем более что для одного из нападавших он закончился глубочайшим нокаутом и гарантированным переломом челюсти.

Тем не менее второй лысый пожелал повторить подвиг первого и, едва я приоткрыл дверь, просунул в щель свою заточенную арматурину. Может, это и не было повторением «подвига», просто таким образом бандит хотел не дать двери захлопнуться. Так или иначе, движение он не рассчитал и просунул руку дальше, чем нужно.

Я был начеку. Убрал живот и развернул корпус на девяносто градусов, так, чтобы оказаться параллельно траектории удара. Правая рука у меня была занята пистолетом, и потому действовал я одной левой. Как только острие железки прошло рядом с моим животом, я выпрямился и свободной рукой прижал к себе запястье противника. Он в это время рывком распахнул дверь, чтобы оказаться со мной лицом к лицу, в надежде, что достал меня своей «заточкой». Я выпятил живот, прижался к заточке мышцами пресса, одновременно с силой надавил на запястье нападавшего. Заточка сыграла роль рычага, который начал выворачивать противнику кисть. В результате арматурина выпала и в следующий момент оказалась в моей руке. Правда, ухватился я не за замотанную изолентой рукоятку, а за середину железки. Но она от этого только стала более управляемой. Это было сделано умышленно. Вы же представляете разницу между тем, как резать хлеб ножом и как – саблей. Короткое лезвие всегда практичнее.

Таким образом я обезоружил противника и вооружился сам.

Он понял это, хотя и не оценил моей щедрости. Я имел возможность сразу же нанести ему ответный удар той же заточкой. При этом с установившейся дистанции он не только не сумел бы защититься, но даже не заметил бы моего движения.

Вообще от колющих ударов с короткой дистанции защититься очень трудно, даже опытному бойцу-рукопашнику. Здесь существует два варианта действий. Первый – нанести удар на опережение. Причем бьющий должен быть на сто процентов уверен в своем ударе, в его нокаутирующей силе и точности, потому что невозможно нокаутировать человека, стукнув его, например, кулаком в плечо. Второй вариант – резко отскочить в сторону или назад, чтобы видеть оружие и иметь возможность защититься от нападения любым возможным способом. Второй вариант предпочтительнее, однако для использования этого варианта надо уметь думать и контролировать не только свои действия, но и действия противника.

Здесь же ни о каком контроле речи не шло. Судя по самоуверенности нападавших, которые рассчитывали убить меня до начала разговора, мне следовало ждать нового удара. И я ждал, готовый использовать свой трофей – отобранную у бандитов пику.

Но противник неожиданно выбрал второй вариант. Отскочить вбок в тесноте лестничной площадки у нападавшего возможности не было. И даже если бы он отскочил, я просто ударил бы урода тяжелой металлической дверью и постарался бы сделать это как можно резче и сильнее. Но он отскочил назад и сбил с ног своего подельника – третьего бандита, как я теперь увидел, тоже вооруженного заточкой из арматуры, но не успевшего ее использовать. Третий урод все это время топтался на месте, делая вид, что тоже участвует в деле.

При столкновении упали оба. И очень неловко – падать не умеют. Умное падение должно производиться так, чтобы упавший не травмировался. После падения нужно перекатиться и встать в боевое положение, конечно, если в планы бойца не входит атаковать из положения лежа. Так тренируются навыки, которые называются «нижней акробатикой».

Упавшие бандиты попытались одновременно и по возможности быстро вскочить на ноги, но только помешали один другому. Глядя на них, я вспомнил, как специально занимался, отрабатывая быстроту реакции, доводя каждое движение до автоматизма.

Улучив момент, я буквально выпрыгнул из дверного проема. Но выпрыгнул не просто так, а целенаправленно, точно приземлившись двумя ногами на лицо второму бандиту. Похоже, я и ему сломал челюсть. И не только челюсть – одна его надбровная дуга уже через секунду налилась синей гематомой величиной с детский кулак.

Бандит взвыл, ощупывая рукой гематому. Полученная травма вызвала в нем усиленное матовыделение, совмещенное с вонючим пото- и слюновыделением. Пришлось прервать выразительность нецензурной речи еще одним ударом кулака по затылку – сверху вниз, как молотком. После этого рука бандита бессильно упала на бетонный пол лестничной клетки. Он отключился.

Третьему я тоже не позволил встать на ноги. Он только успел подняться на четвереньки. Но так мне было удобнее бить. Прицелившись, я скользящим ударом подошвы сбоку надорвал ему основание носа. Это вызвало сильнейший болевой шок и обильное кровотечение. Дело в том, что под основанием носа у человека собираются в пучок нервные окончания. И такой удар является, по сути дела, ударом по обнаженным нервам. Представьте, что у вас обнажен зубной нерв, а вы пытаетесь этим местом грызть орехи. Ощущения примерно одинаковые. К слову сказать, в системе рукопашного боя стиля «ядовитая рука» удар в это место под определенным углом считается смертельным. Но я бил аккуратно, не имея намерения убить бедолагу.

Долго загибаться лысому уроду я не позволил. Приставив к его затылку пистолет, я, ухватив бандита за шиворот, отвел его в квартиру, где заставил взять моток веревки и связать руки своим подельникам. И не как получится, а так, как я скажу. В завершение я связал руки ему самому. Связывал я, как и полагается, спереди, и так, чтобы прочно соединить друг с другом тыльные стороны ладоней. У двух первых руки были связаны точно так же. Это вообще самый надежный способ фиксации.

Управившись с нападавшими, я сначала позвонил в полицию, вызвал наряд, а затем обыскал непрошеных гостей. У всех троих были с собой документы. Двое оказались владельцами таджикских паспортов, третий был гражданином России, постоянно проживающим в Дагестане. Это как-то оправдывало то, что я услышал от них в начале встречи – «Ты, падла, мусульман на Кавказе убивал»…

Признавать себя падлой я не желал, а в остальном сказанное было правдой, и по большому счету им было за что мне мстить. Хотя я лично про подобные случаи мести не знаю. Обычно месть бывает адресной и конкретной. Я же конкретики из их уст не услышал. И вообще, на Северном Кавказе воевало так много людей, что вряд ли хватит бандитов, чтобы

отомстить всем побывавшим там. Но этот выпад хоть как-то объяснял суть претензий ко мне. Это я признавал, а с остальным пусть разбирается полиция…

Глава первая

Свой маленький «Джимни» я уже привык ставить прямо под окнами своей квартиры. Там располагались два колодезных люка – один канализационный, другой телефонный. Пространство вокруг них было основательно забетонировано. Таким образом, на этом участке земли не имело смысла ничего сажать, поскольку на бетоне даже сорняки, как правило, не приживаются. И я этим успешно пользовался, не вызывая раздражения соседских бабушек-цветоводов, заботливо следивших за газонами.

Я заезжал на бетон, оставляя колодезные люки между колес. Благо внедорожный клиренс был для этого подходящий. Никто из соседей, живущих надо мной (с некоторыми из них я только начал здороваться, но еще не знакомился), против моих действий не возражал. Поэтому я пока обходился без гаража и не пользовался платной стоянкой, хотя стоянки в нашем городе не такие дорогие, как, скажем, в Москве.

В Москву, похоже, даже простой хлеб доставляют самолетом откуда-нибудь из Нью-Йорка, а с покупателей потом взимают стоимость доставки. Если судить по вкусу московского хлеба, это именно так и происходит. Сколько моих знакомых побывало в США, и все возвращались голодными, сетуя на то, что в Америке невозможно вкусно поесть. И это несмотря на то, что на улицах американцы постоянно что-то жуют. Я же сам в Москве есть хлеб просто не могу, поскольку мой желудок не приспособлен для переваривания конкретно этого сорта резины.

Совершив утреннюю пробежку, я интенсивно отработал полчаса на боксерском мешке, основательно взбодрился, устав ровно настолько, чтобы усталость не мешала мне в течение дня. Когда тренировки регулярны, усталость никогда не держится дольше десяти минут. Именно столько времени уходит у меня на приготовление завтрака.

Позавтракав, я посмотрел на часы и отыскал в трубке номер капитана Сани.

– Товарищ капитан, я готов. Выходите. Сейчас буду у вашего подъезда.

– Попрошу у капитана частного сыска дополнительные десять минут, – ответила Радимова. – Как-никак, я от природы и по сущности своей женщина. А женщине, чтобы собраться, требуется больше времени, чем мужчине.

– Выходите через десять минут. Буду ждать в машине, – я проявил милость и согласился.

Я не люблю сидеть без дела. От безделья я обычно устаю больше, чем от самой интенсивной тренировки. И в машине чувствую себя намного лучше, чем в четырех стенах. Поэтому, доехав до соседнего дома, я стал ждать капитана Радимову, сидя за рулем своего автомобиля.

Женские «десять минут» намного больше общепринятых. Я посматривал на часы, прикидывая в голове, на каких участках пути от дома до городского управления внутренних дел мне можно будет прибавить скорость, чтобы компенсировать опоздание.

Наконец, она вышла, и я тут же забыл, что сетовал на ее медлительность. На полицейского она в этот момент мало походила. Как и всякая женщина, капитан Саня очень старалась понравиться (надеюсь, мне!). И понравилась.

– Рад встретить вас в таком, не побоюсь сказать, обворожительном виде, – сказал я. Судя по взгляду, она мой комплимент оценила.

– Спасибо, – у капитана от моих слов появился румянец. Мне вдруг захотелось представить, как она хмурится, допрашивая преступника.

– Вы специально готовились для встречи с полковником Свекольниковым? – мой вредный характер так и лез наружу. Капитан Саня слегка нахмурилась (этого я и добивался), села в машину. И тут же не осталась в долгу:

– Поехали… Кстати, полковник Свекольников и подполковник Лихачев просили меня срочно организовать им встречу с вами.

– Когда? Насколько срочно?

– Когда вы назначите.

– Зауважали… А ведь я их еще ни разу не бил! Что-то потом будет…

– Как я понимаю, кто-то через них желает нанять вас для поимки убийцы.

– Кто?

– А вот этого они мне не доложили. – Она продолжала сердиться на мои бестактные, но все-таки беззлобные слова. Если у меня с языка что-то временами и срывается, то это «что-то» не признак злобы или раздражения, а только проявление моего вредного характера.

– Пусть звонят. Встретимся.

– Можно дать ваш номер?

– Думаю, можно. Сейчас у них нет причин дружно давить на меня своим авторитетом. Если только они не продолжают обвинять подполковника Скоморохова. Теперь уже в убийстве майора Сарафутдинова. Не продолжают?

– Обвинять не пытаются, – вяло сообщила капитан Саня. – Но очень кисло о Скоморохове говорят. Он все же последний, кого посетил в тот вечер убитый. Может быть, кроме самого убийцы… А последний, кто видел убитого, всегда на подозрении – это классика жанра. Хотя правда в этом есть – нередко «последний» и бывает настоящим убийцей…

– Или убийцами… Один убийца – это маловероятно. Я еще вчера вечером посмотрел данные на Равиля Эмильевича. Офицер отдела боевой подготовки отдельного отряда спецназа внутренних войск «Росомаха», «краповый» берет… Одному человеку с таким бойцом справиться сложно. Рискованно даже пытаться. На дело, думаю, должны были идти как минимум двое, а то и трое. Например, подполковник Скоморохов, если его подозревают, просто обязан попасть под подозрение вместе с Аглаей Николаевной. Только вдвоем они и смогли бы справиться.

– Да, скорее всего, вы правы, – не стала возражать капитан Радимова, никак не реагируя на мою шутку. – Сейчас приедем, я вам покажу предварительные материалы судебно-медицинской экспертизы. Медицинский эксперт – патологоанатом – утверждает, что Сарафутдинов перед смертью был основательно избит. У него многочисленные гематомы на голове и на теле. Причем гематомы расположены так, что легко предположить – преступников было несколько и били они с разной дистанции под разными углами. Эксперт считает, что преступники были разного роста. Очень разного. Хотя и в этом случае вопрос однозначно не решается. Вот вам пример из уголовной практики: по заключению экспертизы, человека били разные люди под разными углами. Потом оказалось, преступник был один и добивал жертву ногами из разных положений. Поэтому данный вопрос оставим открытым. Если бы, скажем, убивать Сарафутдинова пришел кто-то с такой подготовкой, как у вас или у подполковника Скоморохова…

– К счастью, спецназ ГРУ не воюет со спецназом внутренних войск. Я обязательно ознакомлюсь с выводами экспертизы. Еще что-то интересное есть?

Я как раз проезжал перекресток с напряженным движением, резко переключил скорость и «газанул». Наверное, потому капитан Саня и промолчала, дожидаясь, когда мое внимание вернется к нашему разговору. Скорее всего, это была ее ментовская привычка, но я против такой привычки ничего не имел.

Однажды я ехал в машине, за рулем которой сидел мой товарищ, а рядом с ним беспрестанно, как отбойный молоток, тарахтела его жена. Причем чем сложнее было на дороге, тем активнее работал «отбойный молоток». Не в моих привычках вмешиваться в чужие семейные отношения, но я поймал себя на мысли, что с огромным удовольствием в той обстановке въехал бы правой стороной в ближайший столб.

Это я потом высказал жене товарища. После этого я стал для нее злобным и никчемушным человеком, неспособным воспитать свою жену, но активно пытающимся воспитывать чужую. Ну, женщинам со стороны виднее. Лично я считаю, что мою жену перевоспитывать уже

поздно – такой, какая она есть, ее много лет делали родители, да и сейчас продолжают делать. Хорошо еще, что капитан Саня не считает так же, как жена моего товарища.

Радимовой хватило ума не отвлекать меня в сложной обстановке серьезным разговором. Молчала она, и когда я на скорости проскочил перекресток, и когда, в нарушение правил, я совершил обгон на пешеходном переходе. Меня это насторожило, и я повторил вопрос:

– Есть еще что-то интересное?

– Есть. Есть свидетель, который видел из окна, как из подъезда вышли четыре человека в камуфлированных костюмах. Судя по внешности, военные. Сарафутдинов в этот момент приближался к дому. Видимо, они приходили к нему. Равиль Эмильевич при виде этих людей ускорил шаг и призывно поднял руку. Может быть, даже что-то крикнул. Его дождались, и все вместе вошли в подъезд. Как эти люди выходили, никто не видел.

– Да, Сарафутдинов говорил подполковнику Скоморохову, что к нему в тот вечер должны были зайти друзья по службе. Мне это Скоморохов сам вчера рассказал.

Капитан Саня кивнула.

– Скоморохов это же и полковнику Свекольникову сказал. Это есть в материалах дела. Полный протокол допроса. Если по прошлому делу, которое я не вела, мне было запрещено предоставлять вам материалы, то сейчас у меня такое право есть. И потому у вас будет полный доступ к документам. Есть для этого еще одна причина, но об этом позже.

Мы как раз въехали во двор городского управления внутренних дел, и я с привычной наглостью припарковал свою машину на служебной стоянке посреди двора прямо под окнами кабинета капитана Радимовой. Она открыла дверцу и вышла. Я поставил машину на сигнализацию и догнал капитана уже на крыльце.

– Пропуск на вас я еще вечером заказала. Должен быть готов.

Мы прошли к стойке дежурного, который сразу же нашел мой пропуск. Я пошел следом за капитаном Саней, при этом специально немного отстал, чтобы полюбоваться ее фигурой. Сегодня она была в платье и выглядела очень женственной. Такой она мне нравилась куда больше, чем в привычном ментовском мундире.

Кабинет Радимова открыла своим ключом и сразу, не садясь за рабочий стол, включила чайник, чтобы побаловать гостя, то есть меня.

– Я сегодня без печенья, – признался я. – Вчера у Аглаи Николаевны Скомороховой съел, подозреваю, месячный запас, и потому она мне с собой ничего не выделила. В следующий раз напечет, даст мне, а я обязательно угощу вас.

Капитан Саня загадочно улыбнулась, порылась в своей сумке и выложила на стол сначала пистолет (она упорно не желала носить его в кобуре, хотя с платьем подмышечная или поясная кобура смотрелась бы действительно забавно), а потом и бумажный пакет с печеньем.

– Отравить не опасаюсь, сама пробовала, и до сих пор, как видите, жива. Кажется, слегка съедобно. Угощайтесь.

А она, оказывается, легко поддается перевоспитанию. Печенье я скромно попробовал и не забыл похвалить. При этом даже душой не покривил.

– Я вчера пыталась еще и пирожки испечь. С вареньем. Но не испекла, скорее – изгадила: у меня все варенье из пирожков вытекло и подгорело на противне. Я помню, как мама пекла. А у меня так не получается. Больше с пирожками никогда связываться не буду…

* * *

Несгораемые шкафы называются так по непонятной мне причине. Нет, я уверен, что сами они в случае пожара конечно, не сгорят, но их содержимое сгорит наверняка. Кроме того, несгораемые шкафы имеют одинаковый ворчливый характер. Независимо от того, стоит такой шкаф в полицейском участке или в штабе армии. И там, и там его упорно пытаются обозвать

сейфом; и там, и там его дверцы открываются с жутким металлическим скрипом, от которого не спасает даже ежедневная смазка петель. Такой скрип нельзя не заметить, но к нему можно привыкнуть.

Капитан Радимова к этому скрежету, похоже, привыкла. А я от скрипа своего ротного несгораемого шкафа уже успел отвыкнуть. Но сделал вид, что уши мне скрипом не разрывает, все стоически вытерпел и дождался, когда она вытащит из стоящих на полке толстенных папок новый, относительно тонкий скоросшиватель и положит передо мной на стол.

– Следствие мы ведем параллельно с ФСБ. У них упор делается на противодействие вербовщикам ИГИЛ, а нам досталась уголовная составляющая. Если здесь ИГИЛ присутствует, то дело автоматически перейдет к следственному отделу управления ФСБ, и меня от расследования отстранят. Пока же приходится и мне этим заниматься.

– А что говорят улики? – поинтересовался я.

– Практически ничего… Я уже сказала, что свидетель видел четырех человек, которые пришли к потерпевшему в гости. Военные или нет, неизвестно. В сумерках невозможно было разобрать, есть ли на них погоны. Да и свидетель, который видел этих четверых из своего окна, особо к ним не присматривался. Он смотрел на дорогу, ожидал, когда к нему приедет брат. Тем не менее факт – четыре человека посещали убитого в день его смерти. Хотя небольшой процент ошибки показаний, вероятности того, что они приходили не к Сарафутдинову, и вообще у подъезда их встретил не он, существует.

Мы можем предположить бытовую ссору. Если, конечно, эти люди причастны к смерти Сарафутдинова. Тем более на кухне найдены четыре пустые бутылки из-под водки. Выпили они, судя по всему, крепко. Четыре бутылки на пятерых – с этого можно поссориться. Чаще всего бытовые ссоры происходят после употребления спиртного. Это не я утверждаю, это статистика говорит. Восемьдесят процентов случаев бытовых ссор с убийством или просто с дракой – после совместного пьянства.

Кто эти люди, неизвестно. Только подполковник Скоморохов сказал, что к Сарафутдинову должны были прийти бывшие сослуживцы. Но само понятие «бывшие сослуживцы» тоже растяжимое. Это можно понимать так, что они остались служить, а он уволился. А можно понимать и так, что они еще раньше уволились и только по привычке носят камуфлированные костюмы и общаются друг с другом. Да кто такие костюмы сейчас не носит! Вот вас, например, я в другой одежде и не видела.

Но есть в показаниях свидетеля одна интересная деталь. Он заметил, что один из четверых был очень маленького роста. Помните заключение патологоанатома? Следы от ударов, нанесенных человеком маленького роста. Вот потому мы и рассматриваем версию бытовой ссоры с последующим убийством. Следовательно, это дело моего ведомства.

Кроме того, есть еще один факт, который, правда, идет вразрез с версией бытовой ссоры. После бытовой ссоры, как правило, не происходит ограбление. Убийцы просто пытаются побыстрее исчезнуть с места преступления. А в квартире Сарафутдинова все было перерыто. Там что-то искали. При осмотре не нашли ни денег, ни каких-либо других ценностей. Не найдены также личные документы и документы на машину. А, судя по машине, убитый был человеком состоятельным.

– Какая у него машина?

– «Ленд Крузер 200» белого цвета.

– Солидно. А где находится машина?

– Неизвестно. Бывшая жена Сарафутдинова говорит, что он от нее машину прячет, поскольку женщина претендует на разделение имущества. Там такая история… Обычно суд делит только совместно нажитое имущество. До свадьбы у Сарафутдинова была другая машина – «Ленд Крузер 100». Ее он как-то хитро поменял в салоне на новую. С доплатой, естественно. Какая-то там в автосалоне специальная система обмена существует. Но поменял, уже будучи

женатым. Он считает, считал то есть, что в этом случае он остался владельцем, бывшая жена, напротив, считает, что они совместно нажили новую машину. Хотя она все годы их совместной жизни нигде не работала. Жили только на заработок мужа. Сам Сарафутдинов имеет на своем счету пять полугодовых командировок на Северный Кавказ. Дважды был ранен и имеет одну контузию. Есть правительственные награды. Они, кстати, тоже исчезли из дома вместе с наградными документами. А награды сейчас по цене золота. Для нас это лишний шанс. Мы уже с подобными вариантами сталкивались и знаем не только в своей области, но и в соседних практически всех коллекционеров, к которым могут попасть награды. Коллекционеры предупреждены. Это след…

– Может быть, и след. А если ограбление было совершено только с целью «замести следы» и направить следствие по ложному пути? – задал я естественный вопрос, который на протяжении всего разговора не давал мне покоя. – Выпили с сослуживцами, поссорились. Равиля Эмильевича убили. После этого опытные спецназовцы внутренних войск, чтобы сбить с толку капитана Саню и капитана частного сыска, инсценировали ограбление. Дабы следствие искало грабителей, а не товарищей по службе. А украденные вещи просто выбросят, чтобы не засыпаться на пустяке.

– Это еще один вариант. Мы его тоже просчитывали. Но все же надеемся на человеческую жадность. Просто так золотое кольцо никто не выбросит. А у него из шкафа украли – золотое обручальное кольцо. После развода у жены осталось ее кольцо, у Сарафутдинова – его. Но он его не надевал. Носил только небольшое серебряное колечко на мизинце левой руки. Это было у Равиля Эмильевича чем-то вроде талисмана. На удачу. Библейская надпись на кольце: «Все пройдет» – снаружи. Изнутри: «Пройдет и это». Все, как у царя Соломона. Так вот, даже серебряное кольцо с мизинца убийцы сняли.

Регистрация машины в ГИБДД была произведена год назад. Нам уже прислали все данные на машину. Вплоть до номеров кузова, двигателя и шасси. Я уже сказала про поиск наград и документов к ним. С помощью бывшей жены составили перечень ценных вещей, которые пропали из квартиры. Скупщики краденого у нас на учете. Они всегда рады сдать друг друга. Здоровая, так сказать, конкуренция воровского мира. Чем больше украдут, тем легче искать. Что-то где-то обязательно выплывает. Это аксиома.

– Да. На человеческую жадность положиться можно. Знать бы только точно, что убийство совершено жадными людьми. Жадность, бывает, не знает предела. Мне рассказывали про одного старшего прапорщика, который объявил себя во всеуслышание гермафродитом, только чтобы получать подарки на Восьмое марта. Увидел как-то, что в батальоне женщинам-связистам на женский праздник хорошие подарки дарят. И позавидовал. Целый год, наверное, думал. А через год, накануне Восьмого марта, сделал во всеуслышание заявление. Здесь я могу с вами согласиться. Такой шанс упускать нельзя. Обычно с мужского мизинца снять кольцо бывает трудно. Если сняли, да еще не золотое, а серебряное, это может говорить о жадности.

– Да. Мы на это надеемся. И еще один вариант рассматривает следственное управление ФСБ. Убийство – месть ИГИЛ тому, кто сбежал от них. Но здесь пока нет вообще никаких фактов. Одновременно ФСБ ищет, каким образом ИГИЛ вообще вышло на Сарафутдинова и как смогли его завербовать. Пытаются выяснить саму систему вербовки, чтобы не допустить повторения. Сначала грешили на Интернет, но просмотрели все контакты Сарафутдинова и ничего не нашли. Теперь прорабатывают другие варианты. В этом случае уголовный розыск спокойно работает параллельно с ФСБ, помогаем друг другу, делимся собранными материалами. Мы ищем грабителей и убийц, они – исламистов. Пообещали почти клятвенно друг другу палки в колеса не ставить и держать друг друга в курсе всех событий.

– А моя роль? – спросил я, понимая, что рассказанное капитаном Саней относится только к сфере деятельности уголовного розыска. И моя дилетантская, по сути дела, помощь здесь вообще не требуется. Тем не менее Радимова зачем-то меня пригласила. Не просто же так!

– Вы, как-никак, бывший спецназовец. Вам проще общаться с бойцами спецподразделений внутренних войск. Я хотела попросить вас найти тех людей, что посещали в вечер убийства майора в отставке Сарафутдинова. Если это были люди оттуда.

– Хорошенькое поручение, – хмыкнул я. – Хотя, вероятно, вполне выполнимое. Если наш генеральный директор не будет возражать.

– Думаю, не будет. Относительно оплаты услуг детективно-правового агентства я уже разговаривала и с Новиковым, и с начальником уголовного розыска подполковником Котовым, который, в свою очередь, написал рапорт на имя начальника городского управления.

– Он подполковника получил? Поздравьте его от меня.

С недавним майором Котовым, когда он еще не был начальником уголовного розыска города, я познакомился в тот же день, что и с капитаном Саней. Тогда ее пытались убить наемные убийцы, подосланные ее коллегой капитаном Взбучкиным. Хотя сама Радимова считала, что Взбучкин ее защищает…

– Позавчера приказ пришел. Кстати, он на полковничьей должности сидит. Хорошо себя покажет, может досрочно полковника получить. И заинтересован в повышении показателей раскрываемости. Значит, готов оплатить услуги вашего агентства. Раскрываемость-то повысится не у вас, а у горотдела.

– А как вы себе представляете мою миссию в этом деле? Я должен прийти в отряд спецназа МВД и узнать у офицеров, нет ли среди них убийц отставного майора Сарафутдинова?

– Я не могу знать, какие меры для выяснения вы выберете. Это уже на усмотрение военной разведки. Вы же порой можете себе позволить то, что не можем себе позволить мы.

– А вы, товарищ капитан, хитрая женщина. Вы знаете, чем подкупить отставного военного разведчика.

– Я не только капитан уголовного розыска, но и женщина. А женская хитрость всегда направлена на то, чтобы управлять мужчинами по женскому усмотрению.

– Согласен. Военная разведка найдет способ. А ФСБ что от меня надо? – Я неожиданно вспомнил, что капитан Саня дала мой телефон полковнику Свекольникову.

– Вы думаете, они ставят меня в известность о своих планах? – вопросом на вопрос ответила Радимова.

– Хорошо. Налейте мне еще чашку чая и выделите три печенья. Ваш дебют в качестве кондитера меня покорил. Одобряю. Главное, не слишком сладко. Не люблю сладкое печенье. Как и сладкие духи у женщин. Вы, кстати, какими духами пользуетесь?

– Понятия не имею. Точнее – не выговорю. Но – с горьким травяным запахом. Я такие в магазине просила, мне подобрали. Люблю, знаете ли, запах полыни…

– И это одобряю. Как ни странно, я тоже люблю запах полыни. Короче говоря, во всем одобряю вашу деятельность. А теперь, если позволите, я под чай пролистаю уголовное дело. Вдруг что-то замечу свежим незамыленным взглядом.

– Для того я его вам и предоставила. Читайте, я пока сводку за сутки посмотрю.

Я принялся читать, как полагается, с последней страницы, которая в действительности являлась первой. Так уж все документы подшиваются. Документом под номером один числился протокол осмотра места происшествия с прилагаемыми цветными фотографиями.

Я уже заканчивал читать протокол, когда звонок на мобильный оторвал меня от дела, требующего пристального внимания. Я посмотрел на определитель. Номер был знакомый, но не из списка внесенных в трубку. Я легко вспомнил, как недавно в Москве, вернее, в Истре, сообщал этот номер командующему войсками спецназа ГРУ с просьбой провести по нему биллинг. Номер принадлежал следователю следственного управления ФСБ России полковнику Свекольникову.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сразу сказал я.

– Откуда вы знаете, кто звонит? – чуть брезгливо и властно спросил Свекольников.

– Я, Павел Феоктистович, запомнил ваш номер, когда вы при мне положили свою визитную карточку на стол в кабинете уголовного розыска Истринского района.

– Вы видели это? Ах, так это вы были там третьим, с капитаном и со старшим лейтенантом МЧС? Я как-то тогда не обратил на вас внимания. Принял за одного из сотрудников райотдела, – тон разговора полковника не изменился. И мне откровенно не нравился его голос. Свекольников пытался со мной разговаривать, как большой и очень плохой начальник разговаривает с ничтожным и полностью от него зависящим подчиненным.

– А вот я на вас обратил самое пристальное внимание. И даже попросил снять ваши отпечатки пальцев с пустой бутылки из-под коньяка и со стакана и сравнить их с отпечатками пальцев на фонарике, который уронил убийца Елены Анатольевны Нифонтовой. А потом позвонил рыжему участковому коту Василию с предложением задержать вас по подозрению в убийстве.

Я откровенно давил на Свекольникова, поскольку мне не нравилось, когда давят на меня. Мне это в принципе не нравилось. Я не был его подчиненным. И вполне мог себе позволить намекнуть полковнику ФСБ, что считаю его убийцей старушки, несмотря на то что его оправдали. И даже подтвердить, что это именно я постарался, чтобы ему предъявили хотя бы косвенное обвинение.

– Я понял. И с любопытством посмотрел бы на вас. Более внимательно, чем в прошлый раз.

– Я не работаю в зоопарке, чтобы на меня смотреть. Вы по делу звоните? Или просто желаете пообщаться. А то я сильно занят.

Это была уже откровенная грубость. И даже с долей пренебрежения к высокому положению Свекольникова. Капитан Саня с любопытством прислушивалась к моим словам. Ей просто по долгу службы невозможно было на таких тонах общаться со следователем ФСБ. В какой-то степени он был ее коллегой. Да и звание обязывало ее соблюдать субординацию. Но, насколько я видел по ее глазам, капитан Радимова была довольна, что я слегка осаживаю московского следователя, который и с ней, я полагаю, говорил тем же брезгливым тоном, каким пытался говорить со мной. И все-таки я вынудил полковника Свекольникова сменить тон на более сдержанный и деловой.

– Конечно, по делу. Но это не телефонный разговор. Сможете сейчас приехать в областное управление ФСБ? Я прикажу выписать вам пропуск.

– Сейчас, все дела брошу и поеду делать вам свистульку… – ответил я словами из старого анекдота[1]. – Нет. Не смогу. Это категорично, и можете даже не пытаться уговорить меня. Я сейчас действительно сильно занят, кроме того, мне не внушают доверия стены вашего заведения. Как и отдельные его сотрудники, – мой намек был исключительно адресный. – Если у вас есть желание и необходимость пообщаться со мной, приезжайте в течение часа в городской уголовный розыск. Я нахожусь в кабинете капитана Радимовой. Через час я отправлюсь к себе в детективно-правовое агентство. Если хотите, приезжайте туда. Охранник у дверей покажет вам мой кабинет.

– Хорошо. Мы сейчас подъедем в уголовный розыск… – полковник Свекольников говорил уже почти смиренно, так мог говорить провинившийся инок в келье строгого отца-игумена. – Никуда не уезжайте.

– Поторопитесь. Я ждать не буду. У вас есть только час…

[1] Анекдот:Большой боров лежит в луже грязи, переваливается с боку на бок, хрюкает. Подходит к нему розовый поросенок:– Папа, сделай мне свистульку.Боров поднимается, отряхивается и смотрит на сына с презрением:– Сейчас, все дела брошу и пойду делать тебе свистульку…

Глава вторая

Я убрал трубку в карман. При этом нахмурился, показывая свое раздражение звонком.

– Не очень вы с ним ласковы, – признала капитан Саня.

– У меня нет причин быть с ним даже вежливым, – достаточно категорично заявил я. – Если я человека не уважаю, я не уважаю его во всем, вместе со званием и должностью, которую он занимает. И я имею причины не уважать этого человека, что ему тоже известно.

Капитан пожала плечами и вернулась к изучению сводки.

– А это что такое? Почему я узнаю об этом последней? – возмутилась Радимова. – И вы тоже все молчком да молчком…

– Это вы о чем? – недовольно спросил я, отрываясь от чтения уголовного дела. – Можно я все же дочитаю?

– Успеете. Вы же сказали Свекольникову, что еще час будете у меня в кабинете. Для чтения материалов дела достаточно половины этого времени. Так что с вами вчера вечером случилось? Рассказывайте…

– Пришли какие-то хмыри, обозвали меня падлой, которая мусульман на Кавказе убивала, а потом без дальнейших разъяснений пожелали сами меня убить. Мне это не понравилось, пришлось их скрутить и вызвать полицию.

– Почему мне не позвонили? Почему сразу в райотдел?

– Я не звонил в райотдел. Я позвонил «02». А уж оттуда кого-то прислали. И забрали то, что от этих хмырей осталось.

– Странно, что от них вообще что-то осталось. Я подозреваю, что их долго со стен соскабливали. Но вы, как я поняла, проявили великодушие. Спасибо и за то, что будет кого допросить. Они, я думаю, сильно рисковали навсегда вписаться в подъездный интерьер.

– Я был аккуратным. Старался быть аккуратным, чтобы в подъезде не мусорить. Потом даже собственноручно кровь вытер.

– Я запрошу дело в райотделе.

– Зачем? Какое это имеет отношение к городскому уголовному розыску?

– Нюх велит… – сказала она коротко, улыбнулась и стала набирать номер.

Разговор был недолгим. Видимо, в райотделе капитана Саню хорошо знали. Я понял, что ей пообещали доставить материалы дела практически немедленно. Кто-то ехал в городское управление по делам к начальству. Капитан Саня осталась довольна оперативностью коллег. Но и их сговорчивость тоже была понятна. Когда на счету райотдела одним делом меньше, это идет райотделу в плюс. А здесь, хотя официально причина нападения и названа, а дело, по сути, раскрыто, остается еще очень много вопросов, которые не удается разрешить по горячим следам. Да и по степени тяжести вооруженное нападение с попыткой убийства – это не прерогатива мелкого территориального органа МВД. В райотделах больше специализируются на похищениях пары старых калош у соседа или отравлении его надоевшей кошки, которая нещадно гадит на все подъездные коврики.

– Вот так-то вот… – Радимова, как прилежный первоклассник, положила на стол обе ладони.

Я, признаться, не столько изучал материалы, предоставленные мне для прочтения, сколько наблюдал за Радимовой и прислушивался к ее разговору с райотделом. Я просто не понимал, что вызвало ее беспокойство и почему она срочно затребовала материалы по вчерашнему происшествию. Видимо, капитан Саня знала что-то, чего не знал я, но пока не хотела мне это открывать.

Меня же в этом происшествии смущала только национальность бандитов. Да, один был дагестанец. Три мои последние командировки проходили именно в Дагестане, и бойцы моей

роты кое-кому доставили там большие неприятности. Но на моей практике не было случая, чтобы офицерам начинали мстить уже после завершения боевых операций. Там, на самом Северном Кавказе, такого можно было бы ожидать. Но я уже не только давно вернулся из последней командировки (причем на медицинском вертолете), но уже и с армией успел расстаться. И целенаправленно найти меня было бы достаточно сложно, поскольку ГРУ не публикует адреса офицеров своего спецназа на доске объявлений в Интернете. Даже бывших своих офицеров. Они и в райвоенкоматах часто состоят на учете как простые солдаты или сержанты. Не все, разумеется, а только те, кто по своему служебному положению знает такое, что широкой огласке не подлежит. Это специально, чтобы не донимали и не возникали ситуации, когда есть вероятность случайно проболтаться.

Психологи уверяют, что у каждого человека, обремененного тайной, время от времени возникает страшное желание так называемой «самораскonсервации». Это когда человек чувствует, что у него в одном месте торчит шило и единственный способ это шило удалить – рассказать кому попало то, что знаешь. На этот случай в регионах проживания бывших спецназовцев предусмотрен куратор. К куратору можно обращаться в том числе и за решением разных насущных жизненных проблем. Он в состоянии, например, достать бесплатную путевку на отдых. К нему необходимо обращаться и когда наступает момент «самораскonсервации». Обычно куратор упаивает человека до поросячьего визга и выслушивает все, что тот скажет. Выслушивает сам, без присутствия посторонних. После такого откровения бывший спецназовец снова наглухо закрывается и молчит еще несколько лет, до следующего срыва. И все это время он неизменно находится под постоянным приглядом бдительного куратора.

Я в закрытых операциях участия не принимал. И потому пригляду куратора не подлежал.

Мысли опять вернулись к минувшему вечеру. Итак, один дагестанец. Два таджика. О чем это может говорить? Это может говорить, что они стали друзьями, встретившись в нашем городе. Сдружились на какой-то почве. Миграционные документы у таджиков в порядке. Официально трудоустроены в строительно-монтажной фирме. Дагестанец работает на вещевом рынке охранником. Проживают все в разных местах. И общего у них только эти бритые головы и коротко стриженные бороды. Выбритые головы и бороды могут говорить о том, что все трое – истинные мусульмане. Но что это может дать следствию? А ничего. Минувшим вечером на допросах пострадавших я не присутствовал, поскольку слегка устал после долгой поездки, из которой только накануне вернулся. И ничего о бандитах не знаю. Но узнать хочется, как и капитану Сане. Впрочем, я планировал в течение дня выбрать время и посетить свой районный отдел внутренних дел, чтобы навести справки.

Происшествие более чем интересное. Если эти уроды – боевики некой системы, то вполне допустимо, что нападению может подвергнуться еще кто-то. Хотя бы тот же подполковник Скоморохов, человек уже немолодой и, как я предполагаю, не такой способный к самообороне, как капитан частного сыска.

На счету Скоморохова тоже много командировок на Северный Кавказ, и наверняка там найдутся желающие ему отомстить. И тут только, думая о подполковнике Скоморохове, я понял, чем вызвана такая активная деятельность капитана Сани. На Северном Кавказе воевал и убитый майор спецназа внутренних войск Равиль Эмильевич Сарафутдинов. Не было ли нападение на меня связано с нападением на Сарафутдинова? Сам я как-то до такого не додумался. Не хватило сыскного опыта. А вот капитан Радимова сразу разглядела связь между этими событиями.

Ей опыта хватило…

* * *

Кто-то громко постучал в дверь и вошел тут же после приглашения капитана Сани. Вошедший был в гражданской одежде, носил щегольские и немного смешные тонкие усики, не слишком идущие его круглому лицу. К тому же они были заметно подкрашены, как и лохматые брови. Вообще, с его лицом такие усики сочетались, как галстук-бабочка с сапогами.

Человек старательно улыбался капитану Радимовой, но косился на меня и не торопился говорить комплименты хозяйке кабинета, хотя, как мне подумалось, глядя на слащавый облик вошедшего, заготовил он их с десяток. Человек положил на стол тонкую папку уголовного дела.

– Просили вам передать, Александра Валерьевна. А я к Котову. Нужно срочно решить несколько вопросов. Он у себя?

– Должен быть у себя. Сегодня оперативки нет. Спасибо, – капитан Саня протянула усатому руку и вложила в рукопожатие всю свою женскую силу (это я понял по ее напряженному лицу). Но мужчину она этим не удивила. Похоже, у него самого была неслабая рука.

Гость вышел.

– Вы еще не знакомы? – спросила Радимова, заметив, как я среагировал на появление гостя.

– Не имел чести.

– Это начальник уголовного розыска района, как раз он ведет дело о нападении на вас. Я дело забрала, потом оформлю это документально. Раз не успели познакомиться раньше, теперь и вовсе встретитесь нескоро. Расследование буду вести я.

– Я вчера с кем-то долго беседовал. Но не с ним – с кем-то другим. Человек задал мне много вопросов касательно Северного Кавказа. Очень любопытный. Майор какой-то. Больше интересовался бытовыми условиями…

– Наверное, дознаватель. Сейчас в области готовят группу полицейских, которые поедут на полгода в Дагестан. Потому и вопросы такие. Я тоже хотела, как говорит Котов, улизнуть от срочных дел, но женщин они туда не берут.

– Да, я тоже тогда подумал что-то подобное. Это я о дознавателе… И о Кавказе. Было слишком много бытовых вопросов. Больше, чем вопросов, относящихся к нападению на меня.

Радимова только раскрыла папку, принесенную начальником районного уголовного розыска, как ей позвонили на один из трех стационарных телефонов, стоящих на столе.

– Дежурный, – сообщила капитан. – Наверное, это гости из ФСБ. Им пропуска обычно не выписываются.

Она поговорила по телефону, положила трубку и сообщила как раз тогда, когда раздался стук в дверь:

– Прибыли следователи. Войдите.

Первым вошел подполковник Лихачев. За ним как-то неуверенно, почти бочком, вошел полковник Свекольников. Я вспомнил, как по-хозяйски, с бутылкой коньяка в руке, входил он в кабинет капитана из уголовного розыска подмосковной Истры. Тогда он чувствовал себя куда наглее. Тогда ему еще не предъявляли обвинения в убийстве, и какой-то капитан частного сыска, к тому же инвалид, не обвинял в преступлении полковника такой серьезной службы, как ФСБ. Сейчас Свекольников стеснялся явно не хозяйку кабинета.

Капитан Саня встала при появлении старших офицеров. Я вставать не пожелал. Продемонстрировал свою свободу гражданского человека, за что был награжден одобрительным и улыбчивым взглядом Радимовой и почти возмущенным взглядом подполковника Лихачева. Но «командовал парадом» в данной ситуации не он, а полковник Свекольников, который старался быть незаметным и никаких возражений против неуважения к старшим по званию со стороны отставника-инвалида не высказывал.

– Присаживайтесь, товарищи офицеры, – Радимова показала на ряд из пяти стульев у стены. Я не собирался никому освобождать уже привыкшее ко мне мягкое кресло. О чем красноречиво говорила моя гордая поза: я сидел, забросив ногу на ногу. Намного вольнее, чем по стойке «вольно». – Вы, кажется, по касательной знакомы с капитаном частного сыска Тимофеем Сергеевичем Страховым?

– Это что за должность такая – капитан частного сыска? – недовольно проворчал подполковник Лихачев. – Что-то я не слышал, чтобы уставы частных детективных компаний содержали пункты о присвоении военных званий.

– Это не должность, а виртуальное звание, – возразил я. – Именно виртуальное. Вы же не возражаете, когда говорят, к примеру, «капитан уголовного розыска». Это звание тоже не военное, а служебное. И никак не соответствует воинскому званию капитана. Просто не соотносится с воинским званием. И «капитан частного сыска» тоже с моим воинским званием не соотносится. Воинское звание мне присваивалось приказом министра обороны, – спокойно ответил я. – А другой приказ того же по названию, а не по фамилии министра отправил меня в отставку, как вы, вероятно, знаете, по инвалидности. Но звания меня никто не лишал, я даже имею право на ношение воинской формы одежды, государственных наград и наградного оружия. Это – что касается воинского… А что касается служебного, то я не буду возражать, если меня кто-то когда-то назовет «генералом частного сыска». Это будет только отражением моих заслуг, на которые я в будущем рассчитываю. Но пока, как отставной армейский капитан, не возражаю против «капитана частного сыска».

– Тогда почему вы, капитан, так относитесь к субординации? – Лихачев переглянулся с полковником, из чего я сделал вывод, что он переживает не столько за неуважение к своим погонам, сколько старается повысить служебный статус своего спутника, который косвенно был начальником и для него.

– Потому что в настоящий момент я не ношу погоны, – ответил я сухо и умышленно не добавил к своим словам, как бы полагалось по той же субординации, «товарищ подполковник». – Хотя костюм мой и камуфлированный, и вполне военного образца. Если я правильно вас понимаю, Леонид Юрьевич, вы так рвались со мной встретиться именно для того, чтобы высказать мне данное нравоучение?

Это прозвучало жестко и резко, хотя и не грубо. При этом градус тона показывал, что я готов перейти и на грубость. Капитан Радимова снова посмотрела на меня с явным одобрением. Ей, видимо, тоже не слишком нравилась манера общения этих двух представителей основной государственной спецслужбы. Но положение капитана Сани не позволяло ей вести себя свободно. А мне моя служба это вполне позволяла.

Подполковник Лихачев намеревался ответить что-то грозное и нравоучительное. У него даже дыхание перехватило от возмущения. Но полковник Свекольников мягко положил руку на его предплечье, чем укротил пыл своего коллеги. Свекольников был человеком опытным, пройдошливым, положением управлять умел и понимал, что пустая перепалка только мешает сторонам договориться. А что он приехал именно договариваться, я уже понял по виду Свекольникова.

– Оставим беспредметный спор, – спокойно произнес он. – Нам есть о чем поговорить серьезно. Дело в том, что у ФСБ имеются сведения, Тимофей Сергеевич, что вас в ближайшие дни попытаются убить.

Я не скажу, что он сильно обрадовал меня таким сообщением. Все-таки меня не каждый день убивают, и я не приобрел еще привычки находиться в постоянном ожидании смерти. Тем не менее возмущенно подпрыгивать я тоже не стал. Наверное, из опасения, что во время моего подпрыгивания мягкое кресло может занять подполковник Лихачев. А я это кресло уже нагрел своим телом. И вовсе не для него. Полковник Свекольников, видимо, ожидал более эмоциональной реакции с моей стороны. И даже расстроился, что я не стал плакать и просить

государственной защиты от происков врагов. Но вместе с тем я, как специалист, хорошо понимал, что, если кто-то захочет меня убить, спрятаться будет практически невозможно. Выстрел снайпера с чердака в голову или в спину разом решит все вопросы. Можно, конечно, куда-нибудь уехать, вырыть себе долговременную землянку и затаиться в лесу. Но нельзя же всю оставшуюся жизнь прятаться и жить в ожидании убийцы. Нервы такого напряжения не выдержат. Я не заплакал и не засмеялся…

Вместо меня возмутилась капитан Саня:

– Как! Опять?

– А что, часто пытаются? – спокойно, с насмешкой спросил полковник Свекольников.

– Были попытки… – она благоразумно не стала рассказывать о событиях минувшего вечера. Материалы этого дела пока оставались неизученными.

– Значит, у кого-то есть причины.

– Давайте вернемся к вашему сообщению. Кто это нашелся – такой храбрый и такой неразумный? – капитан уголовного розыска явно переоценивала скромные качества моей боевой подготовки. – Какими бы ни были причины, я бы этого человека сразу записала в самоубийцы. Полагаю, что не ошиблась в определении. Самоубийц, если попытка суицида не удается, обычно отправляют в «психушку». Вот и этого неразумного психа я рекомендовала бы загодя туда определить.

– Это не один человек. Это целая организация. И организация серьезная, на многое способная. Группа вербовщиков ИГИЛ. Мы так подозреваем.

– А зачем им, позвольте поинтересоваться, это нужно? – скромно спросил я. Настолько скромно, словно убить собирались не меня, а, скажем, губернатора, которого всегда сопровождает надежная охрана.

– Им нужно проверить способности человека, которого в этом кабинете называют капитаном частного сыска. Убьют – значит, убьют, не жалко. Если же капитан частного сыска справится с теми, кто придет его убивать, значит, с капитаном стоит работать. Значит, стоит попробовать его завербовать.

– Завербовать в ИГИЛ? – коротко и с легким удивлением хохотнул я, принимая сказанное за шутку.

– Именно так. Завербовать в ИГИЛ.

– То есть сделать из меня правоверного мусульманина? Это вообще-то слишком сложно даже для группы вербовщиков. Если я за свои недолгие, но уже прожитые годы даже православную церковь ни разу не посетил, хотя по происхождению своему и во многих поколениях православный христианин, то уж в мечеть не пойду тем более. Не говоря о том, чтобы воевать за чуждые мне идеалы.

– Вы убежденный атеист? – с легким удивлением переспросил подполковник Лихачев.

Удивление его было мне понятно. По общепризнанному общественному мнению, атеистом в нашем современном российском обществе быть куда позорнее, чем президентом США. Но я не был атеистом. Я просто был невоцерковленным человеком, которому неприятны попы в золоченых рясах, заставляющие других жить так, как сами жить не желают.

Русское общество начала двадцатого века считалось глубоко верующим. С чиновников даже требовали приносить документальное подтверждение того, что они ходят на исповедь и причащаются. А уж простой народ вообще ни одной службы не пропускал. В большинстве своем люди ходили в церковь добровольно. Тем не менее после революции эти же самые простые люди пошли громить те же самые церкви. И не все разрушители были обмануты большевиками. Большинство из них были еще раньше обмануты попами. И я предвидел, что в недалеком будущем народ точно так же пойдет громить ныне выстроенные и отреставрированные храмы. Люди видят правду, как бы ее ни пытались прикрыть поповской епитрахилью.

– Нет, я не атеист. Я верю в Бога. Я даже Библию несколько раз перечитал. И пришел к мнению, что современная русская церковь еретическая. Но принять ислам для меня вообще неприемлемо. Это для меня почти то же самое, что изменить присяге.

– А кто вам сказал, что за ИГИЛ воюют только правоверные мусульмане? Если и мусульмане, то не совсем правоверные. По определению международного сообщества богословов, ИГИЛ является лишь одной из множества тоталитарных сект, претендующих на мировую власть, пытающихся навязать свою волю не с помощью религии, а исключительно с помощью силы. ИГИЛ никак не может отождествляться с настоящим исламом. А правоверный мусульманин – это как раз представитель традиционного ислама. Кроме того, я попрошу вас во избежание ошибки учесть, что ИГИЛ вербует не только бойцов. Особенно сейчас. Пушечного мяса у них достаточно. Им необходимы специалисты – ученые и военные. Насколько мне известно, вам хотят предложить должность инструктора по боевой подготовке со статусом специалиста.

– А откуда у вас такие сведения? – спросила капитан Саня с недоверием.

– Какая-то бабушка у подъезда людям рассказала… Вывела внука на прогулку, сама на скамейку села и стала рассказывать. А люди слушали. А потом нам позвонили и передали. Что за бабушка, никто не знает. Не знают даже, из какой квартиры. Как с неба свалилась и рассказала. Устроит вас такой ответ, товарищ капитан?

Полковник Свекольников старался говорить корректно, совсем не так, как начинал разговор со мной по телефону, когда в каждом слове звучал напор, и уверенность в собственной правоте и высокой миссии. Видимо, моя отповедь оказала на него благотворное влияние. И при разговоре с Радимовой полковник отделался почти вежливым объяснением вместо более привычного для себя «не ваше дело». Как раньше в КГБ, так теперь в ФСБ оперативники не любят раскрывать источники информации. ГРУ, кстати, тоже придерживается этого правила. Я такую ситуацию понимал и одобрял, хотя недоверия к капитану Радимовой не испытывал.

Капитан Радимова, пусть в голосе полковника и не прозвучало откровенной издевки, все же слегка обиделась и замкнулась, предложив мне самому вести разговор с офицерами ФСБ, ведь они пожаловали в ее кабинет по мою душу. Да и мне так общаться было легче. Капитану уголовного розыска труднее понять офицеров спецслужб, бывших или настоящих, вот пусть эти офицеры сами и разбираются друг с другом.

Я продолжил разговор.

– Если вы пожаловали ко мне с таким сообщением, то, вероятно, не только для того, чтобы меня предупредить и тем самым спасти мою жизнь. Это в таких случаях не всегда обязательно. – Я сделал прозрачный намек на недавно завершенное дело, где ФСБ в лице того же полковника Свекольникова выглядело не самым лучшим образом. – Я человек военный уже не по профессии, но по духу и по характеру. И потому не большой любитель пустых разговоров. Не люблю бегать вокруг предмета, который не вижу. Итак… Что вам от меня нужно? Давайте вести конкретный разговор.

Теперь хмыкнул полковник Свекольников:

– В первую очередь нам бы хотелось, чтобы капитан частного сыска поберег себя. И был готов при любых обстоятельствах за себя постоять. Старая истина: кто предупрежден, тот вооружен! Мы вас вооружили…

Я вытащил из кобуры пистолет.

– Да, вооружен. К сожалению, здесь не тир, иначе я попросил бы вас подбросить монетку, а я бы от пояса подстрелил ее. Монетку любого достоинства. Даже самую мелкую. Исключительно, чтобы успокоить вас.

– Всегда попадаете? – удивился подполковник Лихачев, зачем-то трогая свою кобуру.

– В девяти случаях из десяти.

Я, конечно, беззастенчиво врал и даже не краснел при этом – просто производил нужное впечатление. При такой стрельбе даже пять попаданий считаются высшим классом. Себя как

стрелка я к высшему классу не отношу. Если пару раз из десяти попаду в летящую монетку, буду доволен. Это удовлетворительный результат даже для спецназа ГРУ, не говоря уже о других спецслужбах. По более крупной мишени я, как правило, вообще не промахиваюсь. Даже во время бега или другого активного телодвижения. А моей «коронкой» является стрельба на звук – даже в темноте, даже с полностью завязанными глазами! – при такой стрельбе я обычно не промахиваюсь. Но, повторю, по более крупной мишени.

– Пистолет боевой? Не «травматика»? – поинтересовался полковник.

– Я не играю в игрушки с раннего детства. Мой отец, офицер, вытаскивал из пистолета обойму с патронами и давал его мне. Вместо игрушки. С самого раннего детства. Короче говоря, я учился ходить уже с пистолетом в руках. Маленькому двумя руками приходилось держать, помню, было тяжело. С тех пор оружие уважаю. И на службе научился вытаскивать его и применять раньше, чем это сделает противник. Следовательно, за себя я постою.

– Мы вам настоятельно рекомендуем применять оружие для самозащиты без всяких сомнений. Неприменение против вас статьи уголовного кодекса за превышение мер самозащиты мы гарантируем. Постараемся прикрыть со своей стороны. С другой стороны вас прикроет капитан Радимова, которая получит на этот счет конкретный приказ своего руководства.

Я посмотрел на капитана Саню. Она кивнула. Но меня такое уверение не убедило. Это сильно походило на ловушку со стороны ФСБ, на дешевую месть за проигранную игру в прошлом расследовании. Но капитан Саня была более категорична.

– Приказа я еще не получала, но я и без него прикрою. Понимаю, что Тим Сергеевич напрасно применять оружие не будет. У него проверенная устойчивая психика отвечающего за ситуацию человека-бойца. Он и сам за пистолет лишний раз хвататься не привык. Обычно одними руками обходится. Этого хватает в большинстве случаев. Он сам – человек-оружие. Я лично в этом имела возможность убедиться.

Казалось, она знала обо мне больше, чем я сам. И это было даже приятно. Любому мужчине нравится производить впечатление на женщин. Тем более качествами, которыми он должен гордиться по своей природе.

– Я напомню, что майор Сарафутдинов тоже был неплохим специалистом по рукопашному бою, – вмешался в разговор подполковник Лихачев. – Он даже вел занятия в секции по армейскому рукопашному бою. Людей обучал. Тем не менее его убили. Вы уже ознакомились с материалами дела по убийству Равиля Эмильевича?

Подполковник показал, что у него хорошее зрение. Наверное, мало за компьютером работает, иначе давно бы ослеп. А он сохранил острый взгляд и сумел прочитать, что написано на наклейке скоросшивателя. Папка лежала так, что нормально прочитать ее название мог только я. Капитану Радимовой для этого потребовалось бы научиться читать перевернутый текст. А подполковник Лихачев прочитал даже перевернутый и издалека.

– Как раз до вашего прихода знакомился.

– Мы надолго вас не задержим, – пообещал полковник Свекольников. – Для нас главное – предупредить вас и убедиться, что вы всерьез приняли наше предупреждение, – полковник сделал вид, что собирается встать со стула.

– Я принял всерьез. А дальше?

– Что – дальше?

– Если вы приехали с предупреждением, я предполагаю, что у вас в отношении меня есть какие-то далеко идущие планы. Вот я и спрашиваю – что дальше? Какие у вас планы в отношении меня? Я же не кукла, с которой играют другие, я привык принимать самостоятельные решения. Чтобы не получилось так, что я своими действиями сорвал ваши планы. А так может получиться.

Полковник перестал делать вид, что пытается встать.

– Вы хотите сразу обговорить все варианты?

– У вас есть варианты?

– Думаем, что вас попытаются завербовать. По нашим данным, на вас обратили серьезное внимание. К вам пришлют хороших бойцов. Скорее всего, с опытом ликвидации. Посмотрят, сможете ли вы с ними справиться. Если справитесь, вы станете реальным кандидатом на вербовку. И вас начнут обрабатывать по полной программе. Мы скромно надеемся, что вы сообразите, как следует себя вести в данной ситуации, и посоветуетесь с нами. Мы же будем к этому уже готовы. Вопросы есть?

– Естественно. Информация прямая?

– Косвенная. Но из надежного источника. И еще у нас есть предположение…

Свекольников выдержал артистическую паузу.

– Я слушаю.

– Возможно, к вам пожалуют те же люди, что убили майора Сарафутдинова. У группы вербовщиков, по нашим данным, не так много сил, хотя точно мы пока сказать не можем. И нет у них в городе большого штата хороших боевиков. Потому мы и предполагаем, что люди будут те же самые. Изучите материалы дела до мелочей. Это может вам помочь. Но имейте в виду, что это только наше предположение. Если у вас возникнут подозрения, что Сарафутдинова ликвидировали те же самые люди, что придут к вам, постарайтесь оставить в живых хотя бы одного человека для проведения следственных мероприятий. Лучше двух.

– Моя задача?

– Будет поставлена, если вы согласитесь на сотрудничество.

– На сотрудничество вслепую я, естественно, не соглашусь. Разве что устно и в ограниченных пределах. С правом на собственное решение.

– Задача полностью подходит под спецификацию военного разведчика. Сбор данных обо всей группе и конечный ее захват силами спецназа ФСБ. Вы же, кажется, знакомы с майором Репьевым? Он у нас группой местного РОСО[2] командует. С ним и будете сотрудничать. Могу дать вам номер его сотового телефона.

– Не надо. Я помню его номер. Да. Думаю, с Репьевым мы сработаемся, хотя я бы предпочел работать с солдатами спецназа ГРУ.

– Офицеры всегда подготовлены лучше солдат.

– Офицеры ФСБ никогда не бывают подготовлены лучше солдат спецназа ГРУ.

– Не будем спорить. Это операция ФСБ.

– Важна не ведомственная составляющая, а результат.

– Сейчас об этом говорить рано. Придет время, станет более контурным предмет обсуждения, тогда и обговорим. – Свекольников проявил удивительную сговорчивость.

– Договорились. – Я привстал и протянул руку сначала полковнику, потом подполковнику. Но я руку протягивал, не подтверждая договоренность, а только прощаясь с ними, то есть выпроваживая того и другого.

Они проявили несвойственную сотрудникам ФСБ сообразительность и стали прощаться с капитаном Саней. Едва за полковником с подполковником закрылась дверь, как зазвонил телефон внутренней связи Радимовой. После первых же слов капитан Саня замахала мне рукой, показывая на дверь.

– Выйти? – спросил я.

– Верните гостей…

Я послушно выглянул в коридор и умышленным кашлем, хотя кашлять не хотел, привлек к себе внимание. Мне просто не хотелось называть следаков ФСБ ни по званиям, ни по фамилиям, и потому, когда они обернулись, я, продолжая натужно кашлять, сделал знак рукой.

[2] РОСО – региональный отдел специальных операций, аналог «Альфы» в местных управлениях ФСБ.

Кашель мой прекратился, как только я занял свое почти законное место в мягком кресле, предоставив возможность старшим офицерам присесть на стулья…

Глава третья

Полковник с подполковником заняли свои еще не остывшие места, при этом посматривали вопросительно не на капитана Радимову, которая все еще разговаривала по телефону, а на меня, поскольку именно я попросил их вернуться. Наконец, хозяйка кабинета положила трубку и встала из-за стола, привлекая общее внимание. Следователи перевели взгляды на капитана Саню. Смотрел на нее и я, пытаясь угадать, что же она сообщит.

Она для начала взяла со стола папку, еще не просто не изученную, а даже толком и не просмотренную, и положила ее перед следователями ФСБ.

– Нападение на капитана частного сыска Страхова, о котором вы предупреждали, уже произошло, вчера. Может быть, именно поэтому мы с Тимом Сергеевичем так спокойно восприняли ваше сообщение. Тим Сергеевич успешно справился с тремя налетчиками и передал их в райотдел полиции. Я узнала об этом около часа назад и затребовала дело для ознакомления. Оно еще толком не оформлено. Вот это дело перед вами, вместе с фотографиями фигурантов.

– Что же вы сразу не сказали? – возмутился подполковник Лихачев. – Со Страховым все ясно. Он – «грушник», значит, «темная лошадка». А вы-то, капитан, должны понимать, что мы здесь не в куклы играем. – Леонид Юрьевич бросил в мою сторону короткий сердитый взгляд, показывая, что он запомнил мои слова.

Но я-то хорошо знал, что их куклы имеют способность стрелять, взрывать и порой бить топором по голове старушек.

– Я сначала хотела прочитать материалы и убедиться, что это дело можно передавать под ваш контроль, – капитан Саня не испугалась грозного тона подполковника. – Я не хотела подставлять под ваш «асфальтовый каток» людей, которые, возможно, к этому вопросу не причастны.

– Спасибо за откровенность, – заметил полковник Свекольников. – А почему передумали?

– Мне только что позвонили. Отпечатки пальцев одного из напавших на Тима Сергеевича совпадают с отпечатком, найденным на дверной ручке квартиры Сарафутдинова. Причем на внутренней дверной ручке. Значит, он не мог, скажем, пьяный идти по подъезду и случайно опереться на чужую дверь изнутри.

Это я к тому, что был у нас недавно аналогичный случай. Отпечаток пальцев был единственной уликой против человека. Его отпечатки были в картотеке МВД – ранее трижды судим как раз за ограбление квартир. И в тот раз квартиру ограбили. По отпечатку его и задержали. Потом оказалось, человек ни при чем. У него знакомая в том же подъезде живет. От нее выходил пьяный, его качнуло, оперся на дверную ручку чужой двери, чтобы не упасть. А выяснилось все только тогда, когда при попытке сбыта краденого нашли настоящих воров. А человек после трех «ходок» чуть ума не лишился, когда его снова в СИЗО «заперли». Он клялся, что полностью «завязал», на работу устроился. Из-за нас, кстати, и работы лишился. Сейчас, в кризис, с работой тяжело. Пришлось начальнику уголовного розыска лично его трудоустраивать.

Полковник с подполковником ее уже не слушали. Лихачев раскрыл папку, и оба они углубились в чтение. Надо полагать, читали мои показания с подробным описанием всех моих действий, читали показания бандитов, которые сначала пытались выдать себя за пострадавших, объясняя, что я вышел из подъезда и без всяких оснований напал на них на улице, после чего пытался скрыться дома, а они меня преследовали.

Я сидел в «своем» кресле, как в засаде, ожидая вопросов. Но вопросы последовали не в мой адрес, а в адрес капитана Сани.

– Где сейчас задержанные? – спросил полковник Свекольников.

– Их обещали после обеда к нам в изолятор доставить. Пока в обезьяннике сидят, в райотделе. У них там с камерами напряженка. Здание старое.

Лихачев взглянул на полковника.

– Срочно отправить к нам, – распорядился Свекольников.

Подполковник вытащил трубку и, на ходу набирая номер, двинулся в коридор. Свекольников повернулся ко мне.

– Тут, – шлепнул он ладонью по папке с материалами дела, – дважды повторяется фраза, которую они произнесли в ваш адрес. Повторите ее еще раз, капитан…

– Капитан частного сыска, – поправил я, напоминая, что уже не являюсь капитаном спецназа ГРУ, следовательно, со мной не пройдет разговор в приказном тоне. Но причин, чтобы вообще не отвечать, у меня не было.

– Капитан частного сыска, – вынужден был согласиться Свекольников, сообразив, что я именно этого и жду.

– Они обвиняли меня в том, что я мусульман на Кавказе убивал. Можно подумать, что бандиты там убивали только христиан. Неумное оправдание…

– Ваше мнение? Это настоящая причина покушения или же попытка пустить следствие по ложному пути?

– Я уже сказал, что это неумное оправдание. На мой взгляд, неумное. Тем не менее полностью сбрасывать такой вариант со счетов нельзя. Один из нападавших – дагестанец. Я допускаю, что в результате выполнения мной специального задания там, на Северном Кавказе, погиб кто-то из его родственников или друзей. Адат, хотя и отвергается исламом, тем не менее на Кавказе имеет более сильные корни, чем сам ислам. Я не слышал, чтобы мстили кому-то из офицеров спецназа за выполнение своего воинского долга. Во-первых, это опасно, что доказал случай со мной, во-вторых, на практике слишком сложно узнать не только фамилию-имя-отчество-звание-должность офицера, но и его бытовые координаты. Хотя допустить какую-то случайность можно всегда. И эта случайность может оказаться решающим фактором. В любом случае необходимо в первую очередь проверить все данные на этого дагестанца. Хотя бы попытаться узнать, как он меня нашел. Это сразу покажет правдивость их слов.

Полковник посмотрел на хозяйку кабинета.

– Капитан, вы не пустите меня за свой компьютер?

– Почему же нет. Пущу, – ответила капитан Саня. Встала, подошла к компьютерному столику, стоящему чуть в стороне, у стены, и включила компьютер. Когда он загрузился, Радимова ввела пароль и уступила место полковнику.

Зная расположение клавиш на клавиатуре, я наблюдал за ее пальцами, и по привычке попытался «увидеть» пароль. Но утверждать, что разобрал его правильно, я бы не стал. Давно не имел практики в такой работе.

– К Интернету подключение устойчивое?

– Вполне.

– Сам компьютер подключен к вашему внутреннему серверу?

– Конечно. Это же рабочий инструмент. Иначе зачем он был бы здесь нужен.

– Я буду набирать пароль сервера ФСБ России. Он не сохранится на вашем сервере?

– Я не настолько хорошо знаю компьютерное дело, чтобы ответить на ваш вопрос, – честно призналась капитан Саня.

– Тогда позвоните своим компьютерщикам, пусть объяснят.

Прозвучало это категорично. Полковник Свекольников не сомневался, что его приказание будет выполнено. Но капитан Саня находилась на службе и полностью соответствовала своему званию и должности. Полковник ФСБ не был ее прямым руководителем и не имел права распоряжаться в этом кабинете, но в этой ситуации к Свекольникову вернулась его былая энергичность и напористость. Это я имел право просто послать его подальше, например, напрямую

в компьютерную службу или еще куда. Капитан Саня так рисковать не могла. Это грозило служебными неприятностями.

Поэтому она послушалась и набрала номер.

– Никто не отвечает. Там только один номер. Сотовый я не знаю.

– Тогда я не могу рисковать. Если пароль сохранится, любой из здешних пользователей сможет войти в базу ФСБ и скачать секретные данные.

– Это вы правы, полковник, – зевнув, согласился я. – Здесь же в каждом одноместном кабинете сидят по три шпиона, которые только и мечтают о том, чтобы вы допустили такую оплошность. А ваша служба требует аккуратности. Вы уже однажды уронили фонарик[3], а теперь рискуете точно так же «уронить» пароль.

Свекольников не посмотрел – стрельнул в меня глазами, словно послал пулю из пистолета. Но такие выстрелы я даже без бронежилета выдерживаю. Нервная система у меня крепкая, не хуже керамической брони защищает. Это на Радимовой платье, сотканное даже не из пара-арамидного[4] волокна, это она под таким взглядом может почувствовать себя сраженной.

Дверь открылась. Вошел подполковник Лихачев.

– Я дозвонился, – доложил полковнику. – Наши сейчас созвонятся, оформят документы и заберут задержанных в наш изолятор. Я приказал поместить их в разные камеры.

– Можно подумать, что у них не было времени, чтобы договориться раньше, – хмыкнул я на такие «мудрые» действия подполковника.

– Не забывайте, что они не офицеры спецназа ГРУ и никогда ими не были, – нравоучительно произнес Свекольников. – Они шли на «дело», уверенные, что все пройдет удачно и они спокойно вернутся. Иначе они просто не пошли бы к вам. А в такой ситуации бандиты обычно не все просчитывают.

– Насколько я знаю, просчитывать поведение на случай провала считается у бандитов плохой приметой, – добавила капитан Саня, как я понял, просто объективно поддержав полковника, а вовсе не для того, чтобы возразить мне.

– Не буду спорить, – отозвался я. – Спецназ ГРУ, очевидно, имеет в виду именно такие приметы и потому просчитывает все возможные варианты, как положительные, так и отрицательные. Это помогает избежать провалов с тяжелыми последствиями. Но вы же подозреваете, что нападавшие посланы ИГИЛ. В этом случае они тоже могут иметь неплохую подготовку. Хотя бы теоретическую. Могут, но я не утверждаю, что имеют. Даже, более того, по их действиям в момент нападения я могу с уверенностью сказать, что они не имеют никакой подготовки. И потому я снимаю свое возражение.

В этот момент на столе капитана Сани зазвонил внутренний телефон. На аппарате замигала светодиодная лампочка, сообщая, какой из трех аппаратов звонит. Радимова торопливо сняла трубку.

– Капитан Радимова… Да-да, Анатолий Ильич, я звонила. Нет. Просто вопрос есть. У меня в кабинете находится полковник ФСБ из Москвы. Он хотел выйти с моего компьютера на свой сервер, но опасается, не сохранится ли в этом случае его пароль у нас. Хорошо. Я так и скажу. Спасибо, Анатолий Ильич.

Она положила трубку и повернулась к полковнику.

---

[3] Намек на эпизод второй книги цикла.

[4] Параарамидное волокно (кевлар) – особо прочное волокно, из которого ткутся особо прочные ткани, например, для бронежилетов первого и второго классов, делают многослойные шлемы для военнослужащих и спецназовцев. При этом при соприкосновении с горячим предметом, например с пулей, арамидное волокно резко увеличивается в объеме и за счет своей прочности способно зажать и не пропустить пистолетную пулю. Из такой ткани, например, шьется костюм для экипировки «Ратник» для российской армии. Из этой же ткани, несравненно более легкой, чем металл, и более прочной, делаются современные армейские и полицейские шлемы.

– Можете работать. Такая программа, сохраняющая пароли, есть только у службы внутренней безопасности. Она включается только тогда, когда контролируется чей-то конкретный IP-адрес. Мой компьютер не контролируется. Сам сервер в состоянии сохранять только внутренние пароли для выхода в Сеть наших сотрудников, да и то по желанию самих сотрудников. Этим пользуется только тот, кто постоянно работает с внутренним сервером.

– Как ваш компьютерщик узнал, что вы ему звонили?

– У него телефон с определителем номера.

– Понятно…

Свекольников сел за компьютерный столик, сердитым взглядом отогнал приблизившегося было подполковника Лихачева. Свой пароль он не доверял никому.

Я уже не говорю о себе. Мне такой пароль непозволительно знать ни при каких обстоятельствах. Полковник прекрасно понимал, что человек, связавший однажды свою судьбу с разведкой, останется разведчиком даже в могиле. Тем не менее я напрягся, как делал это несколько минут назад, пытаясь по движениям пальцев понять пароль капитана Радимовой.

Полковник набирал пароль намного медленнее, чем это делала капитан Саня, он долго выискивал глазами латинские буквы, что давало мне возможность лучше ориентироваться. На мониторе в нужной строке одна за другой проступали жирные точки. В какой-то момент мне показалось, что я «прочитал» пароль Свекольникова.

Для проверки навыков, которые уже длительное время не применялись на практике, отчего у меня возникали определенные сомнения в своих способностях, я написал на бумажке пароль капитана Сани и протянул ей. Она с удивлением посмотрела на листок и кивнула, подтверждая увиденное. Оставалось надеяться, что и пароль Свекольникова я тоже «прочитал» правильно.

Я еще внимательнее стал наблюдать за действиями полковника. Он тем временем вошел в раздел «Картотека», после чего пододвинул себе под нос папку с недооформленными материалами уголовного дела, чтобы без ошибок набрать фамилии и сложные имена-отчества напавших на меня бандитов.

– Так-так… – задумчиво произнес Свекольников, изучая один из файлов. – Капитан, посмотрите-ка сюда…

Я проявил неосмотрительность: встал и подошел к компьютеру, совсем не ожидая подвоха со стороны офицера ФСБ. Скользкий подполковник Лихачев тут же показал свой вредный характер, моментально усевшись в освободившееся кресло.

Свекольников увеличил изображение, передвинул его и показал мне фоторобот, по которому я должен был бы узнать какого-то человека. Но на фотороботе родная мать сына не узнает. А я – тем более.

– Кто это? – спросил я.

– Не узнаете?

– За такие «фотороботы» людей расстреливать надо, – сделал я справедливый вывод.

– Нельзя быть таким категоричным. Фоторобот составить трудно. Люди редко помнят детали внешности, а фоторобот составляется именно из деталей.

– Значит, давно пора систему составления менять. Описание фигуры есть? Рост…

– Есть. В данном случае рост – особая примета. Сейчас найду…

Он уменьшил изображение до нормального формата и стал искать в тексте.

– Вот. Сто шестьдесят семь сантиметров.

– С кепкой или без?

– Я таких тонкостей не знаю.

– По росту, похоже, что он.

– Та-а-ак… Гаджиев Ильдар Мухамедович. Находится в розыске за попытку убийства полицейского и за целый ряд мелких противоправных действий. По подозрениям, был одно

время тесно связан с бандитским подпольем, которое, в свою очередь, объявляет себя ячейкой ИГИЛ на Северном Кавказе, но конкретных проверенных данных на этот счет нет. Так… А что у него здесь? – Свекольников отвернулся от монитора и заглянул в материалы дела. – Ага… И под своей фамилией устроился охранником на рынок. Вот как наша полиция работает. Куда смотрят?!

– В федеральном розыске или в ведомственном? Или вообще в республиканском? – сделал я попытку заступиться за полицию не из-за любви к ней, а из-за симпатии к капитану Сане, которая полицию представляет.

– В республиканском, очевидно… – неохотно сообщил Свекольников, понимая, к чему я клоню и на кого перекладываю вину. – Да, в республиканском. Но республиканский автоматически переходит в наш ведомственный.

– Тогда претензии не к капитану Радимовой, а к подполковнику Лихачеву, – попытался я хотя бы таким образом поднять подполковника с кресла, но он, казалось, намертво приклеился к нему «пятой точкой». – Тем не менее розыск можно «закрывать». Есть что на остальных? На этих таджиков?

– Остальных даже в базе данных нет. Могу только по документам миграционной службы проверить. Только это мало что даст. Если бы там значились правонарушения, их бы просто не пустили в Россию.

– Пустая трата времени, – высказал свое мнение подполковник Лихачев. – Но я где-то видел одного из них. Только припомнить не могу.

– Которого из них? – с полным жуткого коварства равнодушием тем не менее весьма требовательно спросил я. – Покажите.

Подполковник «купился» на мое равнодушие: он поднялся с кресла, подошел к папке на компьютерном столике, перевернул одну за другой сразу две страницы и ткнул пальцем:

– Вот этого, Долтабаева… Но припомнить не могу… И фамилию не помню. Одно лицо.

Он повернулся и неожиданно для себя увидел, что я уже сижу в кресле и внимательно смотрю на него. Лицо подполковника вытянулось, но придумать, как выманить меня из кресла, он с разбегу не смог. Да и пора было господам полковникам «проваливать» из этого кабинета и не мешать уголовному розыску работать…

* * *

Меня, признаться, слегка удивило, как организовано движение документов в структуре полиции. Так запросто можно и недосчитаться чего-то важного. Я слышал, были случаи, когда терялись не только отдельные фрагменты уголовных дел, но и дела целиком. Немудрено, если система регистрации не отлажена. Это не армия с ее жесткими порядками.

Сначала начальник районного уголовного розыска принес папочку и передал капитану Радимовой даже без росписи в журнале регистрации. Потом она передала эту же папочку полковнику с подполковником. И тоже без всякой росписи. Правда, перед этим вместе с папочкой куда-то выходила. Сказала Свекольникову, что покажет подполковнику Котову, чье согласие требуется для передачи документов. Я не имел возможности дать ей совет, но надеялся, что у самой Радимовой голова работает правильно, и она все сделает, как надо. Соответствующие соображения у нее были, достаточно вспомнить слова про «асфальтовый каток».

Следователи ушли, как мне показалось, довольные тем, как продвигается дело. Полковник Свекольников даже дал мне ценные указания:

– Значит, капитан частного сыска, вам сейчас следует ожидать попытки вербовки. Группа вербовщиков будет подбираться к вам издалека. Они не работают в лоб, имейте это в виду. Все способы вербовки разрабатываются опытными психологами, которые состоят у них на службе. Возможно, вы не сразу и поймете, кто вышел с вами на контакт. И мы этого предположить не

можем. В любом случае начиная с этой минуты о каждом своем контакте вы обязаны докладывать нам.

– О каждом? Обязательно?

– О каждом! Обязательно! Мы будем анализировать и делать выводы.

– Я вам ничего не обязан, – вяло ответил я, снова забыв добавить армейскую форму обращения «товарищ полковник», и даже пошел на откровенную конфронтацию: – И все свои контакты я никому докладывать не собираюсь, имейте это в виду. Если я что-то заподозрю, я вам сообщу, а может быть, и не сообщу. Возможно, буду работать через систему ГРУ, возможно, через полицию. Возможно, решу, что сам справлюсь. Но настойчиво возлагать на меня какие-то обязанности я вам не менее настойчиво не рекомендую, потому что я эти обязанности просто не приму на себя. И это мое право…

– Вы подумайте, прежде чем занимать такую неоправданно самостоятельную и, я бы даже сказал, чрезвычайно опасную позицию. Майор Сарафутдинов тоже чего-то стоил по части боевой выучки и считал себя сильным, отлично подготовленным бойцом. Но его уже похоронили, согласно мусульманской традиции, в день смерти.

– На следующий день, товарищ полковник, – поправила Свекольникова капитан Саня. – Его тело из морга судебно-медицинской экспертизы только на следующий день передали родственникам.

– Да. Я летел сюда, чтобы с ним побеседовать, но опоздал. – Свекольников, как мне показалось, с большим удовольствием сменил тему разговора. Полковнику было слегка стыдно уступать в споре какому-то отставному капитану спецназа ГРУ. Но опыт хитрого «тихушника» позволил ему удачно выкрутиться, поддержав капитана Радимову и оставив окончание нашего разговора висеть в воздухе. Так вроде бы и самолюбие полковника было не задето.

Я его даже пожалел.

– Если бы вы оплачивали мою работу, разговор был бы иным.

– Как это сделать? – полковник оживился.

– Поговорите с нашим генеральным директором.

– Я знаком с ним, – сообщил подполковник Лихачев. – Новиков Петр Васильевич.

– Да… Переговорите с ним. Может, найдете общий язык.

Однако, когда Свекольников с Лихачевым уже выходили из кабинета, Лихачев, решив оставить последнее слово за собой, обернулся и спросил меня:

– Ответьте мне, капитан частного сыска: какому культу свойственны человеческие жертвоприношения. Причем публичные.

– Язычеству, – ответил я, не задумываясь.

– Так вот, имейте в виду, что к вам в гости пожалуют именно язычники, которые будут настойчиво уговаривать вас присоединиться к их «религии». Чтобы не стать очередной жертвой на их алтаре, я вам настоятельно рекомендую воспользоваться нашей помощью.

Я хотел придумать какую-нибудь красивую фразу-вопрос относительно небольшой, на мой взгляд, разницы между публичным жертвоприношением и тайным убийством пожилой женщины, но не успел – подполковник плотно прикрыл за собой дверь. В гулком коридоре отчетливо раздались шаги удалявшихся офицеров ФСБ. Свое достоинство они сохранили.

Капитан Саня тоже поспешила выйти, пообещав вернуться через пару минут, а я, воспользовавшись возможностью, тут же сел за оставшийся включенным компьютер…

* * *

Признаться, я не считаю себя большим мастером компьютерного дела, но знаю, что любой браузер имеет раздел «истории», в котором сохраняются последние адреса выхода в Интернет. На компьютере в кабинете капитана Сани стоял браузер «Opera», с которым я умел

общаться. Я легко нашел нужный мне адрес, открыл сайт сервера ФСБ и ввел пароль, который запомнил. Полковник был прав. С его паролем можно было узнать много интересного.

Вернулась капитан Саня, заглянула в монитор и заговорщицки ухмыльнулась. Она положила передо мной несколько листков ксерокопии. Оказывается, незадолго до этого она выходила не к начальнику уголовного розыска подполковнику Котову, а для того, чтобы снять копии с материалов дела. Причем в двух экземплярах – для себя и для меня.

Я тут же нашел нужную страницу дела, хотя вполне мог обойтись и без этого – память меня пока не подводила, – на сайте ФСБ открыл страничку «Картотека» и ввел в строку поиска данные Гаджиева Ильдара Мухамедовича. И стал читать. Давеча, когда эти данные читал полковник Свекольников, мне показалось, что он что-то недоговаривает. Правда, ничего такого, что могло бы меня заинтересовать, я не нашел. Но обратил внимание, что Свекольников ни словом не обмолвился о судимости Гаджиева. Срок он отбывал в нашей области. Я сразу спросил об этом капитана Саню.

– Ну-ка, ну-ка, – сразу заинтересовалась она и склонилась над монитором, при этом ее волосы коснулись моей щеки. Мне это было очень приятно. Радимова ничего не заметила и продолжала аккуратно выписывать данные из досье Гаджиева.

– Место не уступите? – попросила она меня.

Я уступил.

Она сразу вышла на свой управленческий сайт, набрала личный пароль и сформировала запрос. В ответ компьютер выдал несколько документов. Капитан читала их последовательно и внимательно, явно что-то выискивая. Наконец она оторвалась от экрана и откинулась на спинку кресла.

– Вот оно… Это, кстати, объясняет, почему Гаджиев так свободно чувствует себя в нашем городе, несмотря на розыск. Возможно, объясняет…

– Что там? – спросил я уже из «своего» кресла, покидать которое мне не хотелось.

– Он отбывал срок в одной колонии и даже в одном отряде с хорошо вам знакомым Валерием Павловичем Расинским, бывшим заместителем председателя нашего областного законодательного собрания[5], который может прикрыть кого угодно, даже находящегося в розыске. Охранная фирма, в которой работает Гаджиев, принадлежит Расинскому. Это наводит нас на определенные выводы. Не без оснований я подозреваю, что Расинский все еще имеет некоторые претензии к капитану частного сыска. Он человек мстительный, а вы его с такого верха – да мордой в грязь. Могу предположить, что вчерашние гости пожаловали к вам как раз по указанию Валерия Павловича. А фраза про мусульман была придумана исключительно для отвода глаз. Может быть, чтобы соседи услышали. Рассчитывали убить и убежать. А заодно пустить следствие по ложному следу.

– Да. Эту фразу выкрикивали достаточно громко. Кажется, намеренно громко… Но я начинаю так думать уже под влиянием ваших слов.

– Только я не могу понять следователей. Свекольников даже Лихачева к монитору не подпустил. Хотя они в одной упряжке.

– В одной ли? – спросил я скорее самого себя, чем капитана Саню. – Сдается мне, Свекольников ведет свою игру, и упряжку разные кони тянут, причем каждый в свою сторону. Лихачев просто вынужден временами подыгрывать полковнику, но не более. Есть у меня такие подозрения.

– Не понимаю. Объясните неразумной женщине, капитан частного сыска.

Мне показалось, что капитану Сане нравится называть меня по такому экзотическому званию, тем более она мне это звание и придумала…

[5] Главный противник капитана частного сыска в первой книге цикла.

Глава четвертая

– Минутку. Я сначала кое-что сделаю, пока не заговорился и не забыл. Может быть, начну по телефону рассказывать, если спросят. Вы слушайте. Это и для вас будет важно знать.

– Поняла…

Я вытащил смартфон и набрал номер командующего войсками спецназа ГРУ полковника Мочилова. Юрий Петрович ответил практически сразу.

– Здравствуй, Тим Сергеич. Какие проблемы? Или просто поболтать захотелось? Для болтовни у меня очень мало времени. Если по делу – слушаю.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Я не люблю болтать без толку, просто я тут опять с полковником Свекольниковым встретился на одной узкой дорожке. И у меня создается впечатление, что он готовится сделать мне классическую «подножку» в стиле старого КГБ.

– У нас ФСБ запрашивала согласие на вовлечение тебя в их операцию против ИГИЛ. Мы предложили им переговорить с тобой. Если ты согласен, мы возражать не будем. Право выбора остается за тобой. Ты дал согласие?

– Я и согласия не дал, и не отказался. Мне не очень комфортно работается со Свекольниковым после недавнего дела. И он, кажется, не слишком уютно чувствует себя рядом со мной. Как он сумел вывернуться после обвинения в убийстве?

– Следственный комитет свои соображения нам не докладывает. Но как-то вывернулся. ФСБ бережет честь мундира. И Свекольникова даже на пенсию не отправили, как обычно в таких случаях делается. Наверное, он слишком много знает. В том числе и о делах своего руководства.

– Возможно. Даже вероятно. Незначительный человек не будет иметь права выхода практически на серверы всех отделов ФСБ.

– А он имеет? – командующий спецназом военной разведки подивился моей осведомленности.

– Имеет. Сам хвастался десять минут назад. Я сейчас переброшу вам на «WhatsApp»[6] адрес сайта и пароль Свекольникова. Думаю, пригодится.

– Даже так? Ну, капитан частного сыска, ты молодец. Надеюсь, полковник Свекольников не умер под пытками, когда ты этот пароль добывал?

– К сожалению, полковник не пострадал. Он даже не знает, что его пароль мне известен.

– Чистая работа. А что у тебя снова против Свекольникова нашлось?

[6] «WhatsApp» – программа-мессенджер для смартфонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.